

УДК 821.511.142

Н.А. Герляк

Бытовая лексика в произведениях хантыйской литературы (на примере книги А.М. Сенгепова «Касум ики путрат»)

Аннотация. В статье излагаются результаты анализа определения слов из разряда бытовой лексики в разных частях книги А.М. Сенгепова «Касум ики путрат», написанной на казымском диалекте хантыйского языка (в русском переводе – «Рассказы старого ханты»). Основное положение статьи: в жанровом отношении анализируемая книга достаточно оригинальна, т. к. основывается на органическом слиянии авторского текста и фольклорных включений (а отдельные отрезки авторского текста представляют собой рассуждения на общественно-политические темы). И, если при этом разделении основываться на представительстве слов из разряда бытовой лексики, встречающихся на страницах книги, то можно констатировать следующее: больше всего таких слов, разумеется, – в тексте бытового характера. В фольклорном тексте общеупотребительные бытовизмы также используются, но вместе с тем в нем высока доля устаревших слов (историзмов). Фрагменты текста общественно-политического (публицистического) характера включают определенное количество неологизмов; при этом и часть исконных слов хантыйского языка подвергается переосмыслению, получает новое значение.

Ключевые слова: бытовая лексика, тематические группы, лексикон художественного текста, фольклорный текст, общественно-политическая лексика, казымский диалект, хантыйский язык.

N.A. Gerlyak

The lexicon of everyday life in the Khanty literary works (example A.M. Sengepov «Kasum iki putrat»)

Abstract. In the article we analyzed the definitions of words from the category of everyday life in several parts of A.M. Sengepov's book "Kasum iki putrat". The book written in the Kazym dialect of the Khanty language (in English: "Stories of an old Khanty man"). The basic idea of the article: genre-wise this book is rather original, since the author's own text is combined with folklore material (several parts of the author's text represent interpretations on social-political topics). In the folklore texts both the lexicon of everyday life and obsolete words (archaisms) were used. The parts of the text with socio-political (public) character include a certain amount of neologisms; also some of the originally Khanty words are reinterpreted and new meanings are added.

Keywords: lexicon of everyday life, thematic groups, lexicon of the art text, folklore text, socio-political lexicon, Kazym dialect, Khanty language.

Академик В.В. Виноградов, говоря о задачах по изучению истории русского литературного языка, отмечал, что одним из направлений исследований в этой области должно стать изучение языка писателей, а также изучение языка и стиля отдельных литературных произведений. При этом он подчеркивал, что изучение «языка литературного произведения должно быть одновременно и социально-лингвистическим, и литературно-стилистическим» [1, 165]. А это значит, что необходимо рассматривать языковые особенности конкретного произведения, во-первых, «соотносительно с

общей системой литературного языка соответствующей эпохи, в свете его грамматики и лексики» [1, 165], а во-вторых, следует анализировать язык художественного произведения как «целостного семантического единства» [1, 166], созданного творческой личностью.

В свою очередь, исследователи фольклора народов Сибири Н.А. Алексеев, М.И. Черемисина, И.Я. Селютина [2, 10] признают одной из важнейших задач изучение языка, стиля, поэтики фольклорного произведения.

Такой оригинальной формой можно

считать жанр книги известного хантыйского журналиста, переводчика, автора-составителя учебников А.М. Сенгепова «Касумики путрат». На русский язык название книги можно перевести как «Рассказы Казымского мужчины», но автор дал другой перевод: «Рассказы старого ханты». Весь текст следует признать художественно-фольклорным произведением, и это становится ясно уже с первых страниц. Один из двух главных героев книги – старик ханты – живущий на стойбище, рассказывает легенды, предания, сказки. В структуре книги они занимают центральное положение. Думается, что автор сознательно отходит на второй план, выдвигая на сцену личность рассказчика (старого ханты), а вместе с тем и фольклорные темы его рассказов. Таким образом, своеобразие рассматриваемого произведения состоит в органическом слиянии авторского текста и фольклорных включений.

Особое значение имеет то обстоятельство, что в тексте этой книги широко используется бытовая лексика – исконная, заимствованная. Говоря о ней, мы имеем в виду преимущественно имена существительные, только в ряде случаев учитываем синкретичные имена.

Бытовую лексику, представленную в фольклорной части книги, в целом можно охарактеризовать как исконную, во многих случаях – устаревшую, историческую. В подтверждение нашей мысли приведем несколько предложений со словами, представляющими разряд бытовой лексики хантыйского языка:

Мулты нэпат йисн атэлт кэртн, атэлт луваттэлн вэсат лальюх сэварты хэлум хэ 'В стародавние времена в одной деревне одни одинешеньки жили дерево войны рубящие трое мужчин' [3, 16]. Данный эпитет; лальюх сэварты хэлум хэ, используемый в этом предложении, предполагает: рубить дерево для войны – заготавливать луки и стрелы для военных целей.

Ййнал нёрум хор кур эватлаңан, вэнт хор кур эватлаңан 'Братья старшие болотного самца ногу режут, лесного самца ногу

режут' [3, 17]. Данная фольклорная формула восходит к глубокой древности и имеет значение «добывают».

Эту центральную, фольклорную, часть составляют начало книги (повествование о повседневных делах в первые дни на стойбище) и ее концовка (краткий рассказ о дне отъезда). Начало больше по объему, и именно здесь представлен основной массив слов, называющих реалии быта. Встречаются такие слова и на завершающих страницах, но нам интересны не столько количественные параметры (в концовке бытовизмов заведомо меньше), сколько их тематическая отнесенность и семантико-смысловая нагрузка. Если это заимствование, показательным является время попадания в хантыйский язык (и это наглядно демонстрирует фонетико-графический облик слова).

Итак, в начале книги идет речь о приезде и первых впечатлениях гостя старика – его племянника (этот племянник, собственно, и является автором книги). Можно сказать и так: в первой части описывается жизнь на северном стойбище. Здесь широко представлена бытовая лексика (говоря о ней, мы имеем в виду преимущественно имена существительные, только в ряде случаев учитываем синкретичные имена). И, как показал анализ, больше всего встречается слов, представляющих тематические группы: неживая природа, растительность, мир животных, охота, промысел, орудия труда, инструменты, посуда, продукты, одежда, постельные принадлежности, материалы и вещества, обувь, транспорт, строения, сооружения. Меньше использовано слов, представляющих следующие группы: торговля, деньги, мебель, учеба, игры, развлечения.

В группе слов, называющих объекты неживой природы, отметим следующие подгруппы. Для представителей данного этноса очень важны слова, называющие особенности того ландшафта (и шире – природного пространства), в пределах которого протекает их повседневная жизнь. Это, например, такие слова, как нёрум

‘моховое болото, без травы’, хõри ‘болото с кочками и омутами’, вўрам ‘бугор’, хур ‘видимое пространство’, керас ‘обрыв’, хумп ‘волна’, пõсаң ‘дым’, хõс ‘звезда’ (если бы описывалось иное время года, они обязательно были бы использованы).

Но в данном тексте описываются события, которые происходят зимой, поэтому часто употребляются такие слова, как тål ‘зима’, най ‘солнце’, мўв ‘земля’, кэрт ‘стойбище’. Относительно последнего из указанных слов можно сказать следующее: в словарях для него обычно дается два значения (‘деревня’ и ‘стойбище’), но в данном случае речь идет именно о стойбище. При этом указывается и река, на которой располагается стойбище; соответственно, все сочетание можно считать именем собственным:

Сюнь-юхан кэрта яюм-ики хуса си юхатсум ‘На стойбище Сюнь-юган к дяде-старика приехал’ [3, 5].

Это становится ясно также из того обстоятельства, что в тексте встречается название большого населенного пункта, от которого и идет отсчет, и он именуется вош ‘село, поселок’ (это слово иногда переводится как ‘город’ или ‘городок’):

Имел Касум воша ма юхтум хатлэмн манмал ‘Жена его в село Казым в день моего приезда уехала, оказывается’ [3, 5].

О дне приезда рассказчика на стойбище тоже сказано, кратко, но емко (при этом использовано существительное – прилагательное с темпоральным значением):

Тал хатлат, вантэ, сора патлалат ‘Дни зимой (зимние дни), как водится, быстро заканчиваются’ [3, 5].

В последующем тексте встречаются и другие слова, именующие объекты неживой природы, такие, как пай ‘куча’, юхшэп ‘полено, чурка’, тутьюх ‘дрова’, вотас ‘вьюга’, хурас ‘вид’, лыл шив ‘пар (при дыхании)’, хår тåхи ‘открытое место’, еңк ‘лед’, хўлам ‘ложбина’, тылащ ‘луна’, ищки ‘мороз’, пåtлам ‘темнота’, кер ‘наст’, тэрум ‘небо’, тўт ‘огонь’, вэнт питар ‘опушка леса’, хår лот ‘поляна’, лоньсь ‘снег’, вэнт ‘лес’.

Например: Камн этар ат, тылась нуви, хэсыет иса тут лавум, тут султум иты нэмн – этар тэрум харийн – ал си юнтлат, сурилат ‘На улице ясная луна светит, звезды на небе, как горящие угольки, как искры вверху, на чистом голубом небе, – так красиво мерцают, светят’ [3, 142].

Илампа, хэн тутэмн хэрлал, имухты иська си йил па потум рувн элэм си юхатла ‘Точно, когда огонь (в печи) гаснет, (в избе) сразу холодно становится, и этот холод до тела доходит’ [3, 30].

Особенный интерес представляют слова, указывающие на этнографические реалии, слова, называющие предметы, в современной жизни уже почти не используемые. Характерным признаком таких слов является их однозначность. А для того, чтобы адекватно понимать их смысл, часто требуется привлечение сведений из этнографической литературы:

Нымалңал эңхас па эхал эвалт сяпар хулы хир вус ‘Лыжи свои снял и с нарт мешок с чебаками взял’ [3, 14]. Лыжи подразумеваются не обычные, а короткие, широкие, подбитые кусочками лосиной шкуры (ворсом назад). Слово эхал можно перевести как ‘сани’, но в данном случае это именно ‘нарты’. Сяпар (хул) – так похантыйски называется рыба ‘чебак’ (которую в мерзлом виде едят и олени).

– Я, апалы, мосаң тамхатл яңхлумн пэнлам вантты ‘Ну, брат, может быть, сегодня сходим морды мои проверить’ [3, 32]. Пэн (‘морда’, или ‘гимга’) – специфическая снасть, плетеная ловушка для ловли рыбы.

Функционирование слов из разряда бытовой лексики в художественном тексте показывает, что достаточен минимальный контекст, чтобы многозначное слово «раскрылось» в одном из своих значений. Например, в разных местах в книге встречается слово «пай», в значениях ‘бугор’, ‘куча’, ‘сугроб’. В следующем предложении оно имеет значение ‘(ровная) горка’:

Сора юхшэплам хуласат, тутьюхлам ямсыева пая пунсаллам ‘Скоро чурки закончились, дрова я ровненько горкой сложил’

[3, 12].

Вообще в этой части чувствуется нацеленность на освещение традиционной жизнедеятельности, что действительно, если исходить из логики, исключает использование заимствований. Изредка встречающиеся заимствованные слова – это очень старый пласт лексики, давно укоренившийся в хантыйском языке. Разве что в следующем предложении можно видеть пример относительно нового заимствования:

Яюм-ики камлта хулся-са тутыйиңк тахты юхы луңалтас, лампаяла шошумсаллэ ‘Дядя-старик с улицы занес немного керосина (букв.: ‘горючей воды’), залил в лампу’ [3, 35].

Но пример, действительно, новейшего заимствования все же встречается – в предложении, где употреблено слово, обозначающее устройство для записи разговорной речи:

Ма магнитофонэм алэмасум, хэлантты сира лэсятыйлсум па си лавласлум, хэн лув путрал олңатлаллэ ‘Я схватил свой магнитофон, приготовился слушать и дожидаться, когда он начнет свой рассказ’ [3, 16].

Обращаем внимание на то, что указанное слово использовано в неадаптированном виде, произведено только приспособление к грамматике хантыйского языка: присоединен лично-притяжательный суффикс 1 л. ед. ч. с одновременным указанием на единственное число объекта (магнитофон-эм ‘магнитофон мой’).

Итак, в целом первая часть представляет собой бытописание, описание ежедневных повседневных дел (действий), совершаемых на стойбище. Вот два героя перемещаются в замкнутое пространство чума, и в дальнейшем, соответственно, в большом количестве появляются слова, именуемые предметами обстановки (внутреннего убранства), посуды и других бытовых принадлежностей, разновидностей пищи.

Стоит заметить, что главное строение на стойбище вначале именуется чумом (нюки хот ‘дом, покрытый кожами’), а в дальнейшем упоминаются такие детали, как «окно» и «сени» (чего нет у традици-

онного чума), поэтому мы делаем вывод о том, что речь идет о небольшом домике без скатной крыши. Именно такие домики предпочитали строить лесные ханты в последние десятилетия. В этом случае плоская крыша покрывается досками, фанерой (или другим сходным материалом), поверх которой могут укладываться и невыделанные олени шкуры. Печь в таких домиках также предусмотрена, и она обычно – не глиняная, а железная: карты кэр.

Мин нюки хотн карты кэр пуңалн, шай ясьман омасман, арсыр верат олаңан си путрэмалман ‘Мы в домике (крытом кожами), сидя возле железной печки, попивая чай, о разных делах разговариваем’ [3, 5].

В ходе дальнейшего повествования обстановка, окружающая героев, все более детализируется. При ее описании, а также в репликах, которыми обмениваются племянник и дядя, начинают упоминаться такие предметы, как хот ‘дом’, хотсуң ‘угол дома’, лаюм ‘топор’, кел ‘веревка’, тутьюх ‘дрова’, шайпут ‘чайник’, каврум йиңк ‘горячая вода, горячий чай’, вулы тахты ‘оленья шкура, подстилка’, пасан ‘стол’, уллот ‘постель’, ошни ‘полушубок’, сах ‘шуба из оленьих шкур’, нымалңан ‘лыжи, подбитые шкуркой’, вулэт ‘олени’, пэшас ‘загон для оленей’ и другие.

Например: там ясаңлал юпийн па си яюм ики кэрл пела керлас, тутьюх тахты кэра пунас па манат си исьмаслэ: – Мосаң шайтахты па яньсыты питлумн, шайпутэм нык омсаллэм. Камн этар ат, шеңк иськи, еша куврум йиңкн хошумлайман ‘Дядя-старик взял несколько поленьев, повернулся к печке, затопил и спрашивает меня: – Может, чаю еще немного попьем, чайник сейчас поставлю. На улице ясная ночь, очень холодно, немного горячей водичкой согреемся’ [3, 8].

Лув лаюма кел йирс па хотсуңн хув си омсас ‘Он (старик) веревку привязал к топору и молча сидит в углу дома’ [3, 7].

Лув па си ма пуңлэма вулы тахты эхтыя хэ сахат омсас па путрал олңатсаллэ ‘Он опять подсел ко мне на оленью шкуру, помужски сел и начал разговор’ [3, 8].

Уллотн лэсятсаюм, ошнемн лаңкасыйлсум па нэмалта яюм-икийн сахн лаңксаюм. 'Приготовил мне постель, я накрылся своей шубой, а сверху дядя-старик накрыл меня сахом' [3, 11].

Камн си куш иськи, илампа манэм хошум – молупсянг хо хурасанга вантаслум, вулэт лавалман си лольлюм, шошилалум 'На улице хотя и холодно, однако мне тепло – я теперь в малице, красиво смотрюсь, оленей поджидая, стою, прохаживаюсь' [3, 13-14].

Ма ким этсум, вантлум, шоп си, пошас лыпийн вулэт сяпар хул лэвман хохатьлялат, тохлал рутьсялат, лольлят 'Я вышел наружу, смотрю (вижу): и точно, внутри загона олени, рыбу поедая, бегают, некоторые отдыхают, стоят' [3, 15].

Как видим, исконные слова, использованные автором, очень органичны в тексте, представляющем собой описание эпизодов традиционной жизнедеятельности. Новейших заимствований почти совсем нет, а другие встречающиеся заимствованные слова – типа шай 'чай', куршка 'кружка' – очень старые, и их можно считать уже окончательно вошедшими в лексикон хантыйского языка:

Ситы нэмасман омастэм мар, яюм ики пасан верс па мин атлан шай яньсыты си нарумсумн 'Пока я так в задумчивости сидел, брат накрыл стол, и вот мы ночью чай пить принялись' [3, 9].

Наң, лэхсэм, па си лэтутэн – па лэтут-я, ма ванттэмн, си лэсн, а си куршка лыпийн вэлты лэтутэн па ан лэсэн? 'Ты, друг мой, и эту пищу, и ту пищу – все ел ведь, я смотрю, а пишу из этой кружки почему не ел?' [3, 40].

Наң лэлң сыры ки ясьсэн анэн лыпия, куршкаен лыпия пунум эсумийңкен, нумсэм питс, лэхсэм па лэхсэм, мосаң, партсэм, мосаң, юкантсэм 'Если бы ты сразу тогда выпил в чашку налитое, в кружку налитое молоко, я (бы) надумал, друг есть друг, может, и благодетельствовал, может, и одарил тебя' [3, 42].

В завершающей части книги, описывающей последний день пребывания и

отъезд гостя, употреблено уже довольно много слов, заимствованных в новейший период. Большинство их можно считать частью общественно-политической лексики, но некоторые относятся и к сфере бытовой лексики:

Ма магнитофонэм лэсятты питсэм, йилуп батарейкайтн пунсэм па ситы кэр хонаңн, хошмалтыйлман, омаслум, луват лавалман 'Я магнитофон свой готовить начал, новыми батарейками зарядил и около печки сижую, греюсь и его ожидая' [3, 98].

Ма нух аматсум, магнитофонэм алэмасэм, йилуп пленкайн лэсятсэм па си ханшты па хэлантты сира омаслум 'Я обрадовался, схватил репортер (магнитофон), новую кассету зарядил и приготовился слушать' [3, 144].

Ма магнитофонэм алэмасэм, лэсятсэм, микрофонэм лувел хась си уңала шашумсэм 'Я схватил свой магнитофон, настроил его, микрофон мой ему чуть ли не в рот засунул' [3, 165].

Ким этсумн, вантлумн – вертолёт кэртал мухалая си ларийл 'Вышли наружу, смотрим – вертолёт над его стойбищем кружит' [3, 170].

Яюм-ики иси юхы луңемас, молупсел лэмтумтас па манат буран яңхум йэш хуват вертолёт пела си тэрмат тэты питсалэ 'Брат тоже забежал в чум, надел малицу и по следу «Бурана» торопливо стал вести меня к вертолёту' [3, 171].

Сумкаем эвалт нэпек вусум па ханшты си нарумсум 'Из сумки достал бумагу и принялся писать' [3, 171].

В этой, художественно-публицистической, части книги употребляются и нейтральные слова из разряда бытовой лексики (исконные и старые заимствования), но им придается новое звучание, они переосмысляются. Часто образные словосочетания на их основе приобретают новый смысл:

Лувем-сомем такамумел, самем нявлак, нумсэм кен, иса ариты, путрэматы лаңхалум 'Кости-суставы мои окрепли как будто, сердце отзывчиво, мысли легки, хочется петь, говорить' [3, 164].

Антэ, симась путар ма нэмхоят эвалт хэллюем па антэ 'Нет, такой информации (такого рассказа) я ни от кого не получал (не слышал)' [3, 164].

Таким образом, в разных частях книги на хантыйском языке А.М. Сенгепова «Касум ики путрат» («Рассказы старого ханты») обнаруживается три типа текста – бытовой, фольклорный и общественно-политический. И, если при этом разделении основываться на представительстве слов из разряда бытовой лексики, можно констатировать следующее: больше всего таких слов, разумеется, – в тексте быто-

вого характера (и это, в основном, слова современного языка). Фольклорный текст предполагает использование общеупотребительных бытовизмов, но вместе с тем в нем высока доля устаревших слов (историзмов).

При переходе на общественно-политический текст публицистического характера становится необходимым включение определенного количества неологизмов; при этом и часть исконных слов хантыйского языка подвергается переосмыслению, получает новое значение.

Литература

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – начала XIX вв. М., 1978. 448 с.
2. Алексеев Н.А., Черемисина М.И., Селютин И.Я. Современные задачи изучения языков и фольклора народов Сибири // Вопросы тувинского языкознания: Сборник материалов. Кызыл, 1993. С. 3-11.
3. Сенгепов А.М. Касум ики путрат / Рассказы старого ханты. СПб.: Просвещение, 1994. 175 с.

References

1. Winogradov W.W. Oчерki po istorii literaturnogo jazyka XVII-nachala XIX vv. M., 1978. 448 s.
2. Alekseev N.A., Cheremisina M.I., Seljutina I.J. Sowremennye zadachi izuchenija jazykov i fol'klora narodov Sibiri // Woprosy tuwinskogo jazykoznanija. Sbornik materialov. Kyzyl, 1993. S. 3-11.
3. Sengepov A.M. Kasum iki putrat / Rasskazy starogo hanty. SPb.: Prosweshenie, 1994. 175 s.